

ББК Х1(0)

## ЧЕЛОВЕК, ПРАВО И ГОСУДАРСТВО В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ

**Задирако П.С., Костюченко Т.И.** (*Одесская государственная академия строительства и архитектуры, г. Одесса*)

**Общественная мысль с глубокой древности была обращена к постижению человека. На каждом историческом этапе отношение к нему в теории и на практике отличалось своими особенностями, обусловленными конкретной системой социально-правовых отношений. Повышенный интерес к человеку как индивидуальному феномену берет свое начало с эпохи Возрождения. Однако только первые буржуазные революции провозгласили декларации, подчёркивающие абсолютную и безусловную ценность каждого человека, его достоинство, закрепляющие свободу и равенство людей. Принятие таких документов означало политико-юридическое конституирование идеи прав человека, которыми он должен обладать уже в силу того, что является человеком.**

«Люди рождаются свободными и равными в правах». «Целью всякого политического союза является сохранение естественных и неотчуждаемых прав человека. Права эти суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению». «Свобода состоит в праве делать все, что не вредит другому; таким образом, осуществление каждым человеком прав не имеет других границ, кроме тех, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Эти границы могут быть определены только законом». «Все, что не запрещено законом, дозволено, и никто не может быть принужден делать то, чего закон не предписывает». «Закон должен устанавливать только строго и очевидно необходимые наказания; никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, установленного и обнародованного до совершения преступления и законно примененного» [1]. Это — формулировка из Декларации прав человека и гражданина, провозглашенной Национальным собранием Франции в 1789 г. В Преамбуле этого документа сказано, что единственной причиной общественной бедствий и порчи правительства было забвение или презрение прав человека, что декларация таких прав будет постоянно напоминать о них членам общества и аппарату власти, давать людям критерии оценки его

действий и служить тому, чтобы требования граждан обращались к поддержанию Конституции и к всеобщему счастью.

Принятие этих документов открыло историю прав человека. В дальнейшем они закрепляются в конституциях тех государств, которые избирают для себя путь либеральной демократии, и благодаря такому закреплению оказываются уже не только идеологическими политико-правовыми требованиями, но и приобретают качество юридической обязательности. Это было первым поколением прав человека — поколением гражданских и политических прав. Выделение данных разновидностей прав человека связано с присущим либеральной демократии разграничением между гражданским обществом и политической властью, государством.

Социально-экономические права, в отличие от гражданских и политических прав, главным образом выражают уже не свободу и автономию человека по отношению к обществу и аппарату политической власти, а заботу общества о человеке, государства о гражданах. Требование обеспечивать такую заботу имело разные идеологические основания. В одних случаях оно было результатом реализации социалистических идей, выражало присущий им акцент на коллективистские начала в общественной жизни. В других — опиралось на иные концепции, например, государства всеобщего благоденствия или социального государства. Но одной из главных форм юридического выражения этого требования во всех случаях стали социально-экономические права: на труд, на образование, на материальное обеспечение в старости, в случае утраты трудоспособности и др.

В связи с появлением идеи прав человека происходят существенные изменения в правосознании людей, а когда эти права становятся реальностью — столь же существенные изменения в самой общественной жизни. Идея и реальность прав человека оказались, таким образом, неразрывно связанными с идеей и реальностью правового государства: с одной стороны, свободный, автономный как член гражданского общества и участник политической жизни человек, с другой — не свободное, ограничиваемое законами и через это подчиненное интересам гражданского общества государство, обеспечивающее реальность прав человека.

В XX столетии к теме личности, к вопросам развития индивида, его духовно-нравственной целостности, все больше приковывается внимание, в особенности в связи с обострением глобальных проблем. Объяснение прав человека с позиций исторического материализма как надстроечного явления над базисом буржуазного общества — капиталистического рынка, товарно-денежных отношений, немых без

экономической свободы, в советском обществоведении долгое время абсолютизировалось. Оно акцентировало внимание на их классовом, буржуазном, частнокапиталистическом характере и потому вызывало чрезвычайно осторожное к ним отношение в обществе, ориентированном на классовые ценности. Тем не менее, этот подход достаточно точно показывает неразрывную связь прав человека и рыночной экономики, основанной на принципах либерализма. Действительно, права человека и построенная по принципу свободы товаропроизводителя экономика соотносятся между собой как форма и содержание, которые друг без друга не существуют. Только речь в данном случае должна идти о правах, оформляющих свободу человека в сфере экономики, а не о правах человека вообще.

Однако аналогичную связь между свободой человека и его правами как формами, мерами, рамками такой свободы можно увидеть и в других сферах социальной жизни. Например, если в области политики существуют непосредственная и представительная демократия, плюрализм интересов и выражающих их политических институтов, то обязательно должны быть и права человека, выражающие соответствующие формы проявления его политической свободы. Причем во всех случаях свобода человека, его права как формы такой свободы означают, что главным действующим лицом в соответствующей области социальной жизни является автономная личность, равноправный в отношениях с другими субъектами человек, который самостоятельно делает выбор, должен при этом ограничивать себя сознанием свободы и прав других, сам несет за свои решения ответственности.

В этой связи представляет интерес трактовка прав человека Н. Бердяевым — мыслителем, в творчестве которого главным было то, что он называл философией свободы. Права человека выводятся им не из материальных, экономических, а, напротив, из духовных - религиозных и нравственных — оснований. Они как бы вырастают из духовной природы человека. Человеку свойственны не только биологическое и социальное, но и обязательно духовное начала. Как духовное существо человек обладает свободой, которая по своему истоку и признаку такова, что не может «даваться» государством и обществом. Они должны лишь признать за человеком эту свободу, если не имеют тоталитарных претензий. «Эта основная истина о свободе и находила свое отражение в учении о естественном праве, о правах человека, не зависящих от государства, о свободе не только как свободе в обществе, но и свободе от общества, безграничного в своих притязаниях» [2]. Он указывал на то, что в действительности это — не естественные, как всегда принято считать, а духовные права, поскольку природа, «естество» никаких

прав не устанавливают [3]. Между тем из этих рассуждений как раз и следует вывод о естественном характере прав человека.

Только нужны две оговорки. Первая — что речь идет не о той естественности прав, какая связана с природой, материальным миром, а о естественности их с точки зрения духовной природы человека. Вторая — что это выражающееся в свободе проявление духовности, оформленное и объективированное в виде прав человека, не присуще человеку и человечеству изначально, а стало естественным для людей в процессе развития культуры.

Стремление философов и правоведов поставить и обсудить проблемы выбора, ответственности, вины, персональных обязанностей и прав личности является одним из симптомов общественного обновления. Этот процесс затронул и бывшее советское общество с конца 50-х — начала 60-х годов, а в середине 80-х годов он получил отчетливое выражение в процессе так называемой перестройки. И если в предшествующие годы понятие личности обычно выступало в нашей философской, юридической литературе как антитеза понятию «массы» и, прежде всего в этой ипостаси включилось в теоретический анализ исторического процесса, то в литературе современного периода, и, прежде всего в странах СНГ, речь все чаще идет об индивидуально-личностных характеристиках массовых участников истории, о типической структуре их поступков. Соответственно тема личности раскрывается уже не только в аспекте роли великих личностей в истории, а в контексте всей проблематики человека. Как справедливо отмечает М. Орзих: «Реформирование государственного и общественного строя, переходное состояние, в котором находится Украина, требуют повышенного внимания к организационному, кадровому и правовому обеспечению реформ» [4]. В этой связи проблема взаимоотношения личности и государства не случайно обрела приоритетное значение в процессе радикальной перестройки и социального обновления нашего общества. «Человек, его жизнь и здоровье,— констатируется в Конституции Украины, - честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине наивысшей социальной ценностью» [5].

Кстати, в Преамбуле Конституции Французской Республики проблема личности интерпретируется следующим образом: «Французский народ торжественно провозглашает свою приверженность правам человека и принципам национального суверенитета». В ст. 1 Основного закона ФРГ говорится: «Человеческое достоинство нерушимо. Уважать и защищать его — обязанность всякой государственной власти». В Преамбуле Конституции Японии утверждается: «Государственная власть основывается на непоколебимом доверии народа, ее авторитет

исходит от народа, ее полномочия осуществляются посредством народа, а благами ее пользуется народ. Этот принцип общий для всего человечества».

Казалось бы, все просто — закрепили в конституциях народовластие, права и свободы личности — и вот она, долгожданная демократия. В реальной действительности, в жизни все гораздо сложнее. Практика показала, что для осуществления подлинной (а не формальной) власти народа, его возможности влиять на политические решения и действия государства необходимо создать в обществе определенные условия. К ним относятся: истинно свободные и равные выборы в парламент, гарантированность на деле прав граждан, в том числе прав меньшинства, права на инакомыслие, активная деятельность разнообразных негосударственных организаций как равноправных партнеров государства, свободная пресса, умение граждан грамотно участвовать в политической жизни.

Эти и другие условия непосредственно связаны с функционированием правового государства, развитием политического плюрализма, формированием политической активности личности.

Человек — продукт и субъект общественных отношений. Если понятие индивида нацелено на первое из этих определений, то понятия индивидуальности и личности ставят во главу угла самоустраение, благодаря которому данный конкретный человек в полной мере стать активным субъектом общественной жизни. Оба эти понятия используются для обозначения социально значимых качеств, которые выработали в себе люди. «...Сущность «особой личности», — писал К. Маркс, — составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее социальное качество...» [6].

Известно, что динамической стороной социального статуса человека является его «роль». Человек не только занимает определенное место в социальной, политической структуре общества, но и выполняет в соответствии с этим местом определенные функции. Политические роли личности многообразны: роль избирателя, депутата, члена какой-либо негосударственной организации, забастовщика, митингующего и пр.

Эти ведущие демократические принципы были включены и в Конституцию СССР 1977 г., что свидетельствовало о тенденции к расширению прав и углублению демократических свобод личности. Почему же народовластие не стало в бывшем Советском Союзе жизненной реальностью? На фоне ряда причин прослеживалась особенно рельефно одна — тенденция бюрократизации.

Реальные рычаги власти были сосредоточены в руках партийно-государственного аппарата. Это выразилось в том, что, подменяя советские и хозяйственные органы, партийный аппарат усилил и закрепил несвойственные ему функции управления. Кроме того, партийный аппарат, оторванный от рядовых граждан, занимался подбором и расстановкой кадров государственного аппарата. Хотя официально и признавалось, что критериями подбора кадров являются деловые, политические и моральные качества людей, но на практике широко применялся принцип личной преданности, протекционизм, семейственность, землячество.

Сросшийся партийно-государственный аппарат стал разбухать, превратился в самостоятельную силу, основными методами которой было администрирование и командование. Он вышел полностью из-под контроля представительных (выборных) органов и в значительной мере подчинил их себе. Советы оказались отодвинутыми на второй план. Сессии Советов проводились по заранее разработанным аппаратом сценариям, на них единогласно принимались резолюции, тоже заранее подготовленные аппаратом.

Дальнейшая узурпация партийно-государственным аппаратом всей политической власти происходит в конце 70-х — начале 80-х годов: административный произвол, бесхозяйственность, казенное равнодушие к людям, пренебрежительное отношение к общественному мнению, к социальному опыту трудящихся, формальное выполнение сложных государственных дел. Этому во многом способствовали утвердившиеся в общественном сознании представления о человеке как субъекте попечения со стороны государства, любые санкции по отношению к которому рассматривались как добродетели, вера в необходимость полного подчинения личных интересов государственным (общенародным), бездумное исполнение воли начальства, угодничество, привычка работать с оглядкой на приказы сверху и пр. Политическая система стала тормозом развития всех сфер общественной жизни.

Политико-экономический кризис особенно сказался на молодежи. Давно уже замечено, что общество живет и развивается так, как оно учится. И учится так, как хочет жить. Прагматизм в обучении и воспитании часто одолевал перспективу. К сожалению, такой подход к соотношению текущих и перспективных потребностей оказался для страны явлением отнюдь не новым: «Сознание наше, — говорил Н. Бердяев, — направлено на элементарные нужды, и нужды эти закрывают более далекие перспективы» [7]. Под прессом абсолютизации текущих задач складывалось политическое сознание молодых поколений.

Уникальность нашего опыта социалистического строительства породили не критическое к нему отношение и стремление перенести в неизменном виде на другие страны. Это окончательно превратило марксизм из научной теории в предмет веры. Перед ним преклонялись, и только. Лишь когда противоречие между делом (состоянием общества) и словом тем, что о нем говорилось! стало кричащим, по команде сверху — «так дальше жить нельзя!» — все прозрели. А как можно? Вот тут-то нам и «аукнулось» недоверие к теории, заложенное интеллигентами-выдвиженцами.

Молодежь как более непосредственная в выражении своих эмоций и не обремененная знанием законов общественного развития «горела, синим пламенем нигилизма». Но оказалось, что «зажигатели» не ушли далеко от эмпирического уровня сознания. Самое большее, что удалось им вначале сделать — заглянуть на пятьсот дней вперед. Другие же вообще не стали утруждать себя теоретическими изысканиями и вновь обратились к опыту. Логика была предельно проста: раз не удалась одна «схема», возьмем другую, ей противоположную. И началось искусственное перенесение западного опыта на нашу почву, вплоть до замены названия органов власти и управления на «благозвучные заграничные». И вновь мы показали свое неумение учиться у Истории: наша готовность сломя голову бежать в западную экономику есть нацеленность на результат без всякого действия к нему ведущего. Такой же разрыв идеи и поведения характерен и для тех, кто предлагает вернуться к политическим порядкам дооктябрьского (1917 г.) периода.

И только сейчас, кажется, начинаем понимать, что сотворили что-то не то. Известно, что законы истории — это законы-тенденции. Другими словами, они не однозначны, допускают различные варианты реализации, определяют лишь общий ход исторического процесса, его самое общее направление. А это означает, что данные законы вовсе не обязаны реализоваться только так, как это предсказывали Маркс и Ленин. Утратив способность видеть за магией слов историческую реальность, мы оказались на обочине цивилизованного мира.

Поэтому так быстро исчез лозунг-клеймо о красных директорах, колхозных феодалах. Но директоров и феодалов не привлекли к ответственности, а просто купили, закрыв глаза на используемые ими пути личного обогащения. Другими словами, они забыли, что должны быть законопослушными, как и все «рядовые» граждане, поскольку «не может быть свободного общества без законопослушания» [7].

Закон — еще не панацея. За его неукоснительным соблюдением «должны следить, — как говорит М. Тэтчер, — честные и неподкупные судьи» [8]. Но можем ли мы всех судей назвать такими? До по-

следнего времени — нет. И этому есть объективные причины. В первых, судей избирали на непродолжительный срок: значит, требовалось постоянно угождать «назначающим». Во-вторых, они не были защищены ни материально, ни лично. Пока вопрос о том, в каком здании суду размещаться, в какой квартире судье жить, чем и где питаться, будет зависеть от местной власти, — решения судов не могут не зависеть от этой самой власти. Пока в здание суда может зайти любой, пока любой же может, что угодно сказать судье не только на улице, но и в зале судебного заседания, пока малейшие покушения на человека в мантии не будут пресекаться самым решительным и беспощадным образом — до тех пор о подлинной справедливости судебных решений придется лишь мечтать.

К сожалению, бюрократические, антизаконные принципы не изжились. Мы даже говорить перестали о создании правового государства, что так шумно дебатировали еще несколько лет назад. Мы опутаны ворохом разнообразных указов и распоряжений, как самых больших начальников, так и начальников поменьше. И где же, спрашивается, наша бюрократия, которая, по Гегелю и Веберу, состоит из высококвалифицированных специалистов духовного труда, с сильно развитой сословной честью, гарантирующей безупречность их деятельности, без чего всегда есть опасность коррупции? Похоже, что коррупция есть, а демократии нет.

Иными словами, авторитаризм оказывается снова весьма реальной угрозой. Тем более что в соответствии с предупреждением авторов фундаментального труда «Авторитарная личность», вышедшего под редакцией леворадикального философа, одного из лидеров «франкфуртской школы» Т. Адорно, в условиях беспорядков и потрясений (можно употребить термин «социотрясений») политическое многообразие и плюрализм могут вызвать авторитарную политико-культурную реакцию.

Комиссии, комитеты и другие формы контроля, призванные препятствовать бюрократии, вряд ли в состоянии стать действенной преградой на пути этой экспансии: они либо превратятся в малоэффективные инстанции, постепенно заражающиеся общей коррумпированностью, либо будут означать внутреннее разложение, аналогичное оруэлловскому «двоемыслию», накопление которого до некоей критической массы, в конце концов, и привело к смене бюрократической элиты (хотя бы в определенной ее части). Растущая власть бюрократии может быть урезана главным образом демократическими средствами: реальной оппозицией, коллективностью решений, децентрализацией и разделением властей.

Таким образом, веберовское определение тенденции бюрократии сводить к минимуму демократический контроль продолжает сохранять свою актуальность. Между тем, если власть бюрократа проистекает из знания, если знание, по известному определению, сила, то ситуация ускользает даже из-под процедурного контроля, разработанного для положения, при котором единственное благо — это сама власть. Есть только один реальный путь контроля — четко, ясно узаконенные функции бюрократа, которые в условиях правового государства могут ставить пределы его власти и конструировать политические контрольные процедуры, ограничивающие его полномочия.

Не меньшей угрозой является ситуация, в которой слишком много демократии. Если Вебер уделил меньше внимания проблеме политического господства, то, по-видимому, это было связано с тем, что ему трудно было применить это к опыту вильгельмовской Германии, где исключительно мощная бюрократия явно недооценивала неадекватный и безвластный парламент. Однако в ситуации массовой демократии возможна другая опасность: преобладание эмоциональных элементов над рациональными в процессе принятия политических решений. Политика есть согласие в отношении конфликтующих ценностных ориентаций. Ответы на ее вопросы практически не могут быть сформулированы на языке рациональности, остающейся прерогативой бюрократии. Политика характеризуется отсутствием определенности. Однако демократия, в конечном счете, может быть обеспечена только сбалансированностью политического и бюрократического начал. Соскальзывание в ту или в другую сторону грозит авторитаризмом.

Основная причина невозможности установления в стране полноценного демократического строя, исключающего элементы авторитарного правления, — отсутствие гражданского общества, которое, как известно, складывается задолго до установления демократических режимов власти.

Демократия защищает право человека на частную собственность, но не право богатых распоряжаться жизнью и судьбой остальных людей. Не политика защиты богатых, а политика социальной защиты народа, в том числе и его защиты от бесконтрольной власти богатых, есть демократическая политика. Народ, от которого отвернулось государство, никогда не будет считать такое государство демократическим.

Обновить нашу политическую, социально-экономическую систему — значит осуществить демократизацию на деле, перевести теоретические положения о демократии, свободе, правах личности на простой язык практических действий.

В этой связи перед социально-правовыми науками стоит задача постигнуть глобального масштаба: отказавшись от деструктивного партикуляризма, перейти к мышлению на общечеловеческом, общецивилизационном уровне. Это не значит, что следует прекратить изучение особенностей и характерных черт отдельных человеческих общностей. Отнюдь нет. Необходимо лишь изменить вектор исследований, направив их не на поиски слабостей и недостатков, доказательств ущербности и второсортности, а на анализ и развитие всего того ценного, что накоплено людьми в различных уголках нашей планеты.

### **Вывод:**

Пора и политикам утвердиться в понимании того, что как нет в природе более или менее ценных, полезных видов флоры и фауны, каждый из которых играет свою уникальную, незаменимую роль, так нет и в человеческой цивилизации высших и низших рас, народов, классов, конфессий и т. п. Нет на свете народа без своего специфического опыта материального и духовного развития, из которого человечество не могло бы извлечь пользу. Нет такого класса, сословия, которые на определенном историческом этапе не играли бы позитивной роли. Нет такой религии, которая, будучи результатом поиска души и разума человека, не представляла бы интереса и не могла бы быть обращена во благо. В конечном итоге основу всех этих сообществ составляют люди с их не во всем схожей биологией, разнообразием интересов, мыслей и чувств. В обстановке свободы, терпимости и доброжелательности, в обстановке реальной демократии их расцвет будет естественным и взаимообогащающим. Гармоническая общность многообразия — вот наиболее устойчивая и перспективная основа развития личности в правовом государстве.

1. Сборник документов по истории Нового времени стран Европы и Америки. - М., 1990. - С. 96-97.
2. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. Судьба России. — М., 1990. - С. 254.,
3. Там же, с. 255.
4. Орзих М. Ф. Конституционное право: отрасль права, законодательства и юридическая наука // Юридический вестник. — 1995. — № 3 — С. 139.
5. Конституция Украины. Раздел 2.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.Т.1 .— С.292.
7. Бердяев Н. А. Указ. соч., с. 209.
8. Вечерняя Одесса. — 1996. — 15 сент.